

Но Шан Чжэ просто не хотел позволить Сунь Цзюню добиться своего. Стиснув зубы, он решил стоять на своем: если этот кадр не получится с первого раза, он будет продолжать, пока не доведет дело до конца. Хао Е отсутствовал на съемочной площадке, так как после нескольких дней съемок был слишком утомлен и ушел отдыхать в отель. Сяо Хуэй, наблюдая за происходящим, нервничала, но не знала, как успокоить Шан Чжэ.

К счастью, после того как режиссер Фань отругал Сунь Цзюня, тот стал вести себя более сдержанно и начал следовать сценарию.

Когда все уже начали расслабляться, думая, что съемки завершены, Сунь Цзюнь неожиданно поскользнулся и скатился со склона. Шан Чжэ, находившийся ниже, не успел увернуться и принял на себя весь удар. Он почувствовал резкую боль в правом плече, после чего оба покатались к подножию холма.

Съемочная группа, увидев произошедшее, бросилась на помощь. Сунь Цзюнь кричал от боли:

— Вывихнул ногу!

— Лодыжка сломана!

Его сразу же перенесли в сторону для осмотра. Шан Чжэ же молчал, и все подумали, что с ним все в порядке, так как он скатился с меньшей высоты. Однако Сяо Хуэй первой заметила неладное.

Шан Чжэ не просто молчал — он был настолько охвачен болью, что не мог издать ни звука. Его правая рука неестественно свисала, а на лице не осталось ни капли крови.

Сяо Хуэй чуть не потеряла сознание от ужаса и срочно велела отвезти Шан Чжэ в больницу.

В итоге у Сунь Цзюня оказался вывих лодыжки, без перелома, и он мог восстановиться за несколько дней. У Шан Чжэ же был вывих плеча, который требовал вправления и фиксации на три недели, после чего нужно было пройти курс реабилитации.

Из-за этого инцидента съемки Шан Чжэ пришлось прервать, что вызвало хаос в съемочной группе.

Шан Чжэ внезапно стал пострадавшим, и, хотя он переживал за съемки, сейчас ему было не до этого. Через два дня после происшествия его забрал в город А Чжэн Цзянь, лицо которого было мрачным, как туча.

Водитель вел машину.

Шан Чжэ, с повязкой на руке, сидел в машине, ворча:

— Я не хочу жить у тебя, я хочу вернуться домой.

Чжэн Цзянь пристегнул его ремнем безопасности:

— Ты уверен?

— Да, — кивнул Шан Чжэ. — Я знаю, что сейчас может быть беспокойно, но я не хочу тебя обременять. Лучше я сразу встречусь с публикой, чем буду прятаться. Дин Ци тоже так считает. Он сказал, что, как только уладит дела с группой, мы найдем возможность поговорить с журналистами и дать нужную информацию.

Чжэн Цзяньнь знал, что Шан Чжэ не хотел, чтобы его обвиняли в том, что он «цепляется за сильных мира сего» или «ищет покровителя». В этом отношении Шан Чжэ был очень чувствителен, вероятно, из-за прошлого опыта три года назад, и теперь старался держаться на расстоянии. Чжэн Цзяньнь хотел, чтобы Шан Чжэ больше полагался на него, но не хотел слишком давить.

Перед тем как приехать, Чжэн Цзяньнь уже узнал у Сяо Хуэй о ситуации и составил план, хотя внешне это никак не проявлялось. Он спокойно успокоил Шан Чжэ:

— Не переживай, ваша компания справится с этим.

Он не сказал прямо: «Доверься мне, я все улажу», и это облегчило Шан Чжэ.

Слыша, как голос Чжэн Цзяньня звучит с легкой заложенностью носа, Шан Чжэ усмехнулся:

— Мы с тобой — один больной, другой пострадавший, просто беда.

Чжэн Цзяньнь посмотрел на него с неодобрением:

— Ты довел себя до такого состояния, а еще смеешься. В городе А я отвезу тебя в больницу «Жэньсинь» на повторный осмотр, и, если все будет в порядке, отвезу тебя и Цяця домой.

— Ох.

— Как закончу дела в компании, приеду к тебе.

— Ээ... Не надо...

Чжэн Цзяньнь прервал его:

— Сяо Сунь еще не может вернуться на работу, а ты с одной рукой, как будешь заботиться о себе и Цяця?

Шан Чжэ заволновался:

— Но если ты приедешь ко мне, это тоже будет неудобно. Папарацци сфотографируют, и все станет еще хуже.

— Не беспокойся об этом, просто позаботься о себе.

— ...

В итоге все равно получилось, как он сказал. Шан Чжэ скривился и отвернулся к окну, беззвучно проговорив три слова: «Контролирующий псих».

После такого инцидента в обществе, естественно, поднялся шум.

Пока официальные лица не высказались, СМИ говорили что угодно: от перелома Шан Чжэ до сотрясения мозга, паралича и даже комы. До того, как армия ботов Иньшэн начала действовать, фанаты уже самостоятельно создали видео с подборкой кадров из жизни Шан Чжэ, готовясь почтить память своего кумира.

Шан Чжэ, листая темы о себе в Weibo, с горькой усмешкой сказал:

— Я еще не умер, а мне уже ставят свечи!

Он отправил голосовое сообщение в WeChat «Сколько ненависти»:

— Брат Дин, мне нужно опубликовать в Weibo, чтобы все знали, что я жив?

[Сколько ненависти]: Правая рука уже в порядке, раз можешь писать в Weibo?

[Шан Чжэ]: Я могу попробовать писать левой рукой. Поверь, моя левая рука тоже очень ловкая.

[Сколько ненависти]: Не время тебе выпендриваться. Если ты сейчас пошевелишься, я заставлю тебя писать пальцами ног.

[Шан Чжэ]: Ох.

После такой язвительной отповеди Шан Чжэ почувствовал себя лучше.

Дин Ци был в ярости. С одной стороны, он разбирался с последствиями в съемочной группе, а с другой — в Иньшэн уже вступил в конфронтацию с менеджером Сунь Цзюня. По словам Сяо Хуэй, все было очень напряженно, даже Чжоу Кан начал терять контроль.

С таким менеджером, готовым за него постоять, Шан Чжэ мог быть спокоен.

Таким образом, он спокойно отправился домой на восстановление.

После посещения больницы «Жэньсинь» врач сказал, что все в порядке, и нужно носить повязку еще три недели. Затем Чжэн Цзянь отвез их в свой загородный дом, забрав с собой Цяця.

Цяця, увидев Шан Чжэ, захотел, чтобы тот его обнял, но, заметив повязку на руке отца, растерялся, надул губы и чуть не заплакал.

Шан Чжэ быстро присел и обнял его, подумав, что сын такой заботливый и понимающий, что даже готов заплакать, видя, как отец страдает.

Однако Цяця не проявил сострадания к поврежденной руке. Пользуясь тем, что его обняли, он отодвинул повязку и начал ковыряться внутри. Шан Чжэ не чувствовал боли, но это было довольно неприятно, и он никак не мог понять, что именно ищет Цяця.

Только когда Чжэн Цзянь поднял Цяця, Шан Чжэ смог освободиться. Он спросил:

— Цяця, что ты ищешь?

Цяця, казалось, обрадовался и протянул к нему руку:

— Нет плохого малыша... Папа, обними...

Шан Чжэ наконец понял: оказалось, Цяця подумал, что в повязке спрятан другой ребенок, и, отодвинув ее, убедился, что Шан Чжэ не держит другого малыша, и только тогда успокоился.

Какой там заботливый и понимающий сын!

Чжэн Цзянь усадил Цяця в детское кресло:

— Не беспокой папу, он ранен.

Цяця посмотрел на него, явно не понимая:

— Хочу папу.

Шан Чжэ ткнул себя в руку, изображая боль:

— Папе больно, ой, очень больно, не могу тебя обнять.

— Папе больно, — наконец понял Цяця, наклонившись к руке и подув на нее. — Дуть...

Шан Чжэ улыбнулся и поцеловал его в лоб:

— Цяця такой хороший.

Чжэн Цзянь отвез их в квартиру и оставил им помощника по хозяйству. У него в компании было много дел, и, как только он их привез, сразу же уехал в офис, пообещав вернуться вечером.

Шан Чжэ на самом деле не хотел, чтобы он приходил сейчас, боясь, что папарацци сделают из этого сенсацию. Однако, заезжая в жилой комплекс, он заметил, что все было спокойно, и никто не следил за ними. Видимо, Чжэн Цзянь уже все уладил. Да и три года назад, когда они были вместе, никаких скандалов не возникало, так что в плане защиты частной жизни Чжэн Цзянь был очень внимателен.

Сяо Сунь ухаживал за матерью и мог вернуться только через неделю. Шан Чжэ изначально был уверен, что справится с одной рукой, даже шутил, что теперь он как однорукий герой Ян Го, но реальность жестоко его отрезвила.

Если бы он был один, все было бы проще, но с Цяця задача становилась слишком сложной. Поэтому, надо признать, Чжэн Цзянь думал гораздо дальше, и помощник по хозяйству оказался настоящим спасением.

Дом был убран, ребенок накормлен, и помощник удалился с чувством выполненного долга.

<http://bllate.org/book/17718/1655986>